

А. З. МАНФРЕД

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА

Начиналось последнее десятилетие XIX в. 1890-й год, как рассказывали современники, встречали особенно шумно. Ушли навсегда примелькавшиеся 80-е годы. Открывался новый счет времени — последние, 90-е годы уходящего XIX столетия. Тогда впервые стало входить в разговорный обиход быстро завоевавшее всеобщее признание и ставшее почти неотделимым от времени выражение: *fin du siècle* — «конец века». Его произносили важно, многозначительно, с легким оттенком грусти. «Конец века». Молча подразумевалось: это предопределено, ничего не изменишь. Но жизнь, пренебрегая условными обозначениями, шла своим путем, подчиняясь воздействию глубинных процессов, ставя каждый день, во всех сферах, и в особенности в политике, новые проблемы, новые задачи, новые спорные вопросы.

Как во все времена, на первый план выступали, привлекая всеобщее внимание, какие-то отдельные стороны общественно-политической жизни. Еще совсем недавно внимание всего мира было приковано к казавшейся поразительным чудом строительной техники и инженерного искусства Эйфелевой башне, впервые открытой летом 1889 г., во время Парижской всемирной выставки. В Париж, к четырем огромным лапам Эйфелевой башни, между которыми непрерывным потоком катились экипажи, кареты, ландо, шли пешеходы, все лето и осень длилось паломничество. «Век электричества и пара», как называли журналисты уходящее столетие, получил достойное увенчание в великом творении человеческого гения; Эйфелеву башню называли символом будущего века. Тогда еще не догадывались, что пройдет лишь несколько десятилетий, полвека, и атомная энергия, авиация сверхзвуковых скоростей, электроника отбросят все то, что представлялось «символами XX столетия», в давно минувшее прошлое.

Что касается международной жизни, то внимание мировой прессы, политических лидеров, дипломатов привлекала в последнее десятилетие XIX в. шумная, полная эксцентричностей, деятельность молодого германского императора Вильгельма II Гогенцоллерна. Он вступил на престол своих предков в 1888 г., похоронив в течение года и своего деда Вильгельма I, умершего в возрасте 91 года, и своего отца Фридриха-Вильгельма, прожившего почти всю жизнь кронпринцем. Вильгельму II было 29 лет, когда он стал полновластным монархом германского рейха. То был самонадеянный и дерзкий прусский юнкер, непоколебимо уверенный в превосходстве возглавляемой им, «по божественному праву», монархии над всеми остальными государствами и народами и в собственном превосходстве над своими подданными, не говоря уже о всех инородцах и иностранцах, «неспособных» подняться до германского мышления. Он мнил себя великим полководцем, преемником Фридриха Барбароссы и «железного Фридриха». Он никогда не расставался с блестящей металлической каской и охотно позировал в военной форме и воинственных позах.

Окружавшие его с юных лет льстецы внушили ему убежденность, что providence наградило его ярким соцветием талантов: он считал себя не только воплощением германского военного духа и выдающимся государственным мужем, но и замечательным художником и композитором уровня Вагнера или даже Бетховена. В течение 30 лет

его царствования музыкальный мир жил под угрозой появления августейшей оперы, ежегодно анонсируемой его клевретами или ищущими сенсаций репортерами.

Впрочем, значительно опаснее пугающих поисков в сфере искусств была его непреодолимая потребность в кипучей деятельности в области политики. Конечно, его стеснял старый канцлер Бисмарк; он его даже, по привычке, немного побаивался. Бисмарку же кайзер доставлял непрерывные заботы, ему только и оставалось делать, что подчищать следы, вслед за его взбалмошными и большей частью угрожающими выступлениями. Вскоре после вступления на престол, в речи 6 августа 1888 г. Вильгельм II, имея в виду вопрос об Эльзасе и Лотарингии, заявил: «Есть люди, у которых хватает совести утверждать, что мой отец собирался отдать обратно то, что он завоевал своей шпагой, вместе с принцем Фридрихом Карлом... Скорее мы оставим на поле битвы 18 корпусов нашей армии и 42 млн. жителей, чем отдадим хотя бы один камень из того, что завоевал мой отец и принц Фридрих Карл»¹. То было грозное, не вызывавшееся ни обстановкой, ни необходимостью предупреждение Франции. Оно встретило Европу.

Но вскоре, вслед за воинственными угрозами, молодой кайзер круто изменил стиль разговора с Францией. В марте 1889 г. он нанес официальный визит французскому послу Эрбетту — жест, поразивший весь официозный и дипломатический мир, — а позже, в связи с Парижской всемирной выставкой, гласно, самым лестным образом — как компетентный ценитель — отзывался о французской живописи и, наконец, прислал французскому правительству приглашение направить представителей на созываемую по его инициативе в Берлине международную конференцию по труду². На берлинской конференции германский император оказывал особое внимание французской делегации, возглавлявшейся Жюлем Симоном.

В январе 1890 г. германская пресса распространила сведения о предстоящем свидании Вильгельма II с президентом Франции Карно. Свидание будто бы должно было состояться в Брюсселе, во время празднования 25-летия царствования короля Леопольда. В России, в близких к правительству кругах, эти слухи вызвали подозрительную настороженность, даже раздражение. Французское правительство официально опровергло эти сведения, но, тем не менее, подверглось жестокой критике и справа, и слева.

В этих неожиданных поворотах и зигзагах политического курса, в этом подчеркнуто афишированном выражении симпатий к Франции отнюдь не все было плодом «легкости в мыслях необыкновенной», действительно в какой-то мере присущей «коронованному Хлестакову», как называл кайзера Г. В. Плеханов. В этом был определенный смысл и расчет.

Самым важным и значительным по своим неисчислимым последствиям процессом международной политической жизни последних лет XIX в. было медленное, неуклонное, преодолевающее множество препятствий, но постоянно развивающееся сближение двух политических и в военном отношении наиболее весомых держав европейского континента — России и Франции. С 1887 г. это сближение двух великих держав совершалось медленно, но неотвратно.

В Берлине за этим процессом следили с вниманием, с настороженностью, с ревнивой подозрительностью — неизмеримо большими, чем в любой другой европейской столице. В большом генштабе, в высшем германском политическом руководстве отзывали себе отчет в том, что Франция 1890 г. — это уже совершенно иная страна, чем Франция после Седана и Меца. За 20 минувших лет Франция сумела стать снова первоклассной военной державой. Ее вооруженные силы, выучка, вооружение и военнотехническая оснащенность, ее армии, военно-морской флот, все это отвечало самым строгим требованиям времени. В России были также извлечены все необходимые уроки из опыта кампании 1877 г. Российская армия оставалась по-прежнему самой могущественной на континенте.

Все усилия дипломатии Бисмарка, 20 лет сложного маневрирования и поисков хитроумных комбинаций, все ради одной заветной цели — предотвратить, не допус-

¹ «Documents diplomatiques français» (далее — DDF) (1871—1914). 1-ère série, t. I—X. Paris, 1929—1945, t. VII, № 205; «Жюль Аррен — Вильгельму II». М., [б. г.], стр. 154.

² DDF, t. VII, № 333, 370. Эрбетт — Спюллеру, 7 мая 1889 г.

тить русско-французского сближения (или — не дай бог! — союза), — все, все оказалось напрасным. «Железный канцлер», которого столько лет изображали непревзойденным гением дипломатической игры, непогрешимым мастером долгосрочных расчетов, оказался попросту неспособным управлять ходом событий. Они развивались вопреки его желаниям и усилиям. Русско-французское сближение — то было не только банкротство главных внешнеполитических доктрин Бисмарка, то было крушение всей его политики.

Отношения Германии с Россией день ото дня становились все хуже. Уже через полгода после подписания договора о перестраховке глава «военной партии» Вальдерзее, с 1888 г. официально начальник генштаба, записывал в своем дневнике: «Канцлеру, несмотря на все искусство, не удалось сохранить дружеского отношения к нам России, вследствие чего предстоит мировая война, в которой мы должны отстаивать свое существование». Главный вопрос — следует ли Германии вступать в войну сейчас, когда шансы для нее более благоприятны, или откладывать, — Вальдерзее разрешал в пользу первого варианта. «Я убежден, что первое правильно»³. С тех пор влияние Вальдерзее возросло. После колебаний в начале правления Вильгельма II «новый курс» определялся все яснее. Кайзер уже в январе 1889 г. выражал уверенность в невозможности сохранить русско-германскую дружбу. На полях донесения посла Швейница из Петербурга (12 января 1889 г.), сообщавшего, что царский министр иностранных дел Гирс убежден в том, что хорошие отношения между Германией и Россией сохранятся еще долгие годы, Вильгельм против слов «убежден» написал «я — нет»⁴.

Если потерпели крушение попытки сдружиться с Россией, то, может быть, франко-русский союз удастся предотвратить или хотя бы отсрочить сближение России с Францией, — таков был подлинный смысл усилий германской дипломатии завоевать симпатии Франции.

В этом и было реальное содержание того внезапного поворота германского кайзера к Франции, который показался современникам несерьезным, даже буффонадным. Помимо желания поддразнить оказавшегося неудачливым старого канцлера (это тоже было), главным, основным в маневрах германской дипломатии 1889—1890 гг. оставалось активное желание иными методами, переменяя тактику, добиться улучшения отношений с Францией и задержать тем самым ее сближение с Россией.

Однако в 1890 г. французская дипломатия хорошо уже понимала то, чего она не могла или боялась понять три года назад — в начале военной тревоги 1887 г. Тогда, опасаясь навлечь на себя гнев Германии, французы старательно скрывали от немецких взоров свои стремления и самые робкие шаги к сближению с Россией. Теперь они, наоборот, не только не скрывали, но афишировали перед немцами свою дружбу с Россией: они хорошо знали, что это заставит немцев быть не только сдержанными, но и предупредительными, внимательными к Франции. Еще не достигнув соглашения с Россией, французская дипломатия одними намеками на его возможность уже реализовала прямые выгоды его в своих отношениях с Германией.

В 1890—1891 гг. организация и перевооружение французской армии были завершены. В 1889 г. вступил в действие закон о трехлетней воинской повинности. Было налажено в широких размерах производство ружей Лебеля, мелинитовых снарядов и других видов оружия. Фрейсине считал, что к 1890 г. производство ружей Лебеля поднялось с 300 до 3 тыс. в день; соответственно возросло и производство артиллерийских снарядов. Одновременно шло строительство стратегических железных дорог, укрепление Бельфора, Туля и Вердена и других пунктов; к 1891 г. вооружение Франции было закончено.

Но несомненные успехи в укреплении армии сами по себе не могли бы придать французским правящим кругам смелость. Не случайно в 1890 и 1891 гг. военные планы генерального штаба были целиком построены на принципе обороны. Главным, что ободряло в эти годы французскую буржуазию, было крепнувшее сближение с Россией, сближение, которое уже явно шло к военно-политическому союзу.

³ A. W a l d e r s e e. Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1925, S. 349. Запись 1 января 1888 г.

⁴ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. VI. Berlin, 1926, № 1221.

В 1890—1892 гг. в создавшихся новых условиях внутри страны союз с Россией стал главной целью внешнеполитических программ всех партий и групп господствующих классов. Если раньше, в 70-х — 80-х годах, в их рядах шла борьба по вопросу о «русском» или «германском» курсе, то в 90-х годах эти разногласия были сняты. «Русский курс», независимо от мотивов или расчетов тех или иных групп, объективно был обобщением уроков опыта двух десятилетий, прошедших после франкфуртского мира.

Союз с Россией был самым сильным политическим козырем правительства Фрейсине, тем пунктом правительственной программы, которому была обеспечена поддержка большинства партий.

* * *

Первая попытка в направлении франко-русского сближения была сделана в августе 1890 г., когда присутствовавший на маневрах в Нарве помощник начальника французского главного штаба генерал Буадефр вступил в переговоры с генералом Обручевым, начальником русского генерального штаба, и Ванновским, военным министром, по вопросу о военном сотрудничестве. Буадефр, превысив данные ему полномочия и выйдя за рамки инструкции военного министра Фрейсине, пытался поставить вопрос о письменной военной конвенции. Предложение это было отклонено⁵. Однако, отвергая мысль о военной конвенции, руководители российской армии пошли на доверительные переговоры с французским генералом. Между представителями обоих генеральных штабов состоялся широкий обмен взглядами по вопросу об оперативных задачах обеих армий в случае войны с Германией и ее союзниками. Уже тогда обнаружилось и некоторое расхождение в этом вопросе. Обручев считал необходимым нанесение первого удара по Австрии. Буадефр полагал, что надо сосредоточить силы против главного врага — Германии. В остальном было достигнуто полное единодушие. Буадефр в своем отчете высказывал уверенность, что «если война возникнет без провокаций с нашей стороны — Россия мобилизуется». Он приходил к общему заключению, что «мы можем сегодня рассчитывать на ее (России. — А. М.) помощь»⁶. Царский посол в Париже Моренгейм в письмах к министру иностранных дел Гирсу также сообщал о глубоком удовлетворении французского кабинета результатами миссии Буадефра⁷. Царское правительство проявляло большую сдержанность, чем французское⁸. Она в значительной мере объяснялась тем, что еще не были преодолены колебания, сомнения в определении курса внешней политики, не была даже полностью устранена известная ее раздвоенность.

Собственно говоря, хотя термин «императорское правительство» широко применялся в дипломатической практике и в повседневном разговорном обиходе, в Российской империи правительства в западноевропейском смысле слова, как известно, не существовало. Вершину многоступенчатой социально-иерархической пирамиды империи венчал неограниченный самодержец — император всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая. Император, его двор и его министры — это и было собственно правительство, как его понимали в России. Само собой разумеется, что власть всеильного монарха и его ближайших слуг опиралась на полностью подчиненную воле монарха огромную могущественную армию, жандармский корпус, полицию, опутывавшую всю бескрайнюю страну, проникавшую во все поры паутину тайного шпионажа, сыскачества, незримой слежки, наконец, на громадный, вымощенный и в то же время застывший в рутине бюрократический аппарат. Нет надобности разъяснять, что сколь ни представлялась неограниченной власть монарха-самодержца, сколь ни возвышалась она над всеми классами и сословиями, при сохранении известной самостоятельности, она, в конечном счете, была детермини-

⁵ DDF, t. VIII, № 165. Доклад Буадефра военному министру Фрейсине, 27 августа 1890 г.

⁶ Ibid., p. 238.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1890, д. № 74. Моренгейм — Гирсу, 13 (25) сентября 1890 г.

⁸ Там же. Моренгейм — Гирсу, 13 (25) сентября, 27 сентября (8 октября) 1890 г.

решения определенными классовыми и групповыми интересами и складывавшимся общественным сил.

В том узком замкнутом кругу, на вершине иерархического Олимпа империи, который практически решал большие и малые вопросы политики и, в частности, проблемы международной жизни и дипломатии, в решении главных задач, выдвигавшихся самой жизнью, — на какую из великих держав ориентироваться? кого считать возможным союзником? — в 1887—1890 гг., действительно, не было определенного мнения.

Решение принадлежало, в конечном счете, царю, а царь колебался.

История последних царей династии Романовых подтверждает ту же закономерность, которую можно наблюдать в эволюции, например, французских королей от Людовика XIV до Карла X или же Гогенцоллернов, или Габсбургов, — они все шли по нисходящей, деградирующей линии. Каждый новый монарх был слабее, мельче, ничтожнее своего предшественника. В России со времен Александра I, при всей его лживости, вероломстве, коварстве остававшегося все же крупным, весьма умелым дипломатом, шел тот же процесс. После Николая I, с его свинцовым деспотизмом, виселицами, шпицрутенами и ледящей улыбкой, после бесхарактерности, тусклого взгляда как бы застекленевших в равнодушие глаз Александра II, предпоследний монарх — Александр III, хотя бы по внешнему облику, по своему богатырскому сложению, по сравнению с тщедушными другими Романовыми, производил какое-то впечатление.

Как ленинградец, я помню возвышавшуюся на Знаменской площади — ныне площади Восстания, у Московского вокзала, огромную, казалось четырехугольную, подавлявшую своими размерами, своим чудовищным весом скульптуру оставившегося прямо, даже чуть вниз лицом всадника на таком же огромном, неуклюжем, тоже почти четырехугольном битюге. То было гениальное творение Паоло Трубецкого; скульптор сумел в неподвижной тупости черт лица и позы, в громадности лошади, как бы сливающейся со всадником, воплотить всю ограниченность, косность, жестокость этой грубой мускульной силы. Кто это был? Император Александр III или безличный околоточный надзиратель на коне, жандарм всея Руси?

Было удивительно, как этот убийственный в своей беспощадной правдивости портрет резца Трубецкого был выставлен на показ — на осмеяние? — сыном, последним императором, не сумевшим даже понять, что он видит перед собой.

Александр III был воплощением посредственности. Он ни к чему не стремился, у него не было сильных желаний; он не привык ни к раздумьям, ни к умственному труду вообще. То, что ему успел внушить в свое время Победоносцев, руководивший его воспитанием, казалось ему неоспоримыми жизненными правилами. То был подсказанный обер-прокурором святейшего синода катехизис реакционных, заскоружлых в убогом мракобесии догматов. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла» — эти строки Блока символизировали всю эпоху, «совиные крыла» парили над всем царствованием Александра III⁹.

Со времени покушения Березовского на Александра II, а особенно после убийства отца, Александр III жил в страхе перед неведомыми, скрывавшимися в тени, загадочными революционерами. Он укрылся добровольным затворником в Гатчинском дворце и выезжал на приемы, как необходимую, но в высшей степени тягостную службу. Лучше всего он, наверно, чувствовал себя, когда запершись в своих покоях наедине с хрустальными графинами или заветными бутылками с «живительной влагой», он пил в одиночестве до тех пор, пока память фиксировала уходящее время.

Сохранившиеся дневники и записи, которые царь вел всю жизнь, сначала иностранные, затем все более краткие¹⁰, рисуют среднего, ординарного, даже будничного человека, с небогатым запасом слов и, может быть, еще более скудным набором идей и «правил». Но в вопросах внешней политики, в руководство которой по долгу службы он считал себя обязанным особо тщательно вникать, он проявлял в наибольшей мере присущую ему трезвость суждений. С молодых лет, испытывая антинемецкое влияние

⁹ К. П. Победоносцев. Письма к Александру III, т. 1—2, М., 1925—1926.

¹⁰ ЦГИА, ф. № 677 Александра III, д. № 71, 72, 73, 75, 76 (Дневники 1866—1871), 89, 90, 95—98 (Записные книжки 1877—1878, 1883—1886), 118—128 (Памятная книжка 1882—1892).

жены Дагмары и всей ее датской родни, он был полностью освобожден от того пиетета к Гогенцоллернам и Бисмарку, к «потсдамской Пруссии», которым был проникнут «большой двор» Александра II. Это недоверие, даже подозрительность к кайзеровской Германии он сохранил и в дальнейшем, и потому ему были ближе и понятнее взгляды Каткова и «Московских ведомостей» и антибисмарковские стрелы дипломатии Горчакова. Но правоверный ученик Победоносцева и его культа самодержавия, он питал крайнее предубеждение к Франции, как к республике, т. е. стране, поправшей святой для него монархический принцип.

Эта раздвоенность чувств рождала колебания, сомнения. Они усугублялись тем, что за долгие годы, когда Александр был наследником, он уже свыкся с тем, что в правящих верхах, в окружении царя всегда сохранялась влиятельная группа сановников, поклонников кайзера и Бисмарка, считавших союз двух монархий (и двух династий) исторической необходимостью для России. Он так привык к подобному порядку вещей, что, ставши императором, доверил практическое руководство министерством иностранных дел Гирсу и Ламздорфу.

И министр Николай Карлович Гирс, и граф Владимир Николаевич Ламздорф, занимавший в ту пору сравнительно скромный пост начальника канцелярии министра, а на деле игравший едва ли не главную роль в министерстве, — оба были службистами, чиновниками, покорными воле монарха, перед которым они трепетали. Но, вместе с тем, они были убежденными сторонниками прогерманской ориентации, выросли и воспитывались в духе преклонения перед дипломатической мудростью Бисмарка, и когда это было для них лично безопасно, тянули сколько возможно в сторону Германии. Гирс и Ламздорф до последней минуты рассчитывали на возобновление «договора о перестраховке» с Германией, срок которого истекал в 1890 г. Они считали прочное соглашение с Францией невозможным, грозящим, главное, испортить отношения с Германией. Вся внешнюю политику Гирс и Ламздорф в значительной степени подчиняли сохранению дружбы с Германией и, подходя под этим углом зрения к франко-русским отношениям, считали чрезмерное сближение с Францией нежелательным и опасным.

В дневнике Ламздорфа от 1891 г. имеется характерная запись: «Я в сущности не думаю, чтобы мы имели основания чересчур опасаться недоразумений, которые могут возникнуть между Францией и Германией. Прежде всего, они нисколько не хотят вооруженного столкновения, а в случае, если бы оно и произошло, то что нам до того, если повторится 1870 год?»¹¹ Точка зрения Ламздорфа и Гирса выражена здесь предельно ясно.

Линия Гирса и Ламздорфа, однако, не была определяющей в руководстве российской внешней политикой. Как уже говорилось, Гирсу, Ламздорфу и их единомышленникам противостояла весьма значительная группа иной ориентации. Катков умер в 1887 г., но его точка зрения поддерживалась рядом видных царских сановников и представителей дворянских и буржуазных кругов. Это были Дмитрий Толстой, Нелидов, Воейков, члены «Славянского комитета», многие военные.

Царь колебался. Но Александру III было не трудно понять, что отношения между Германией и Россией вступили в новую фазу. У него можно встретить заметки, в которых он высказывал мнение, что всякое новое затруднение Германии окажется выгодным России¹². И Катков, и Александр III, и Победоносцев, — то было олицетворение свирепой реакции, мракобесия, свинцового гнета, душивших внутри страны все живые силы русского народа. Эти люди питали глубокое отвращение к французскому республиканскому строю. Александр III, например, сопротивлялся тому, чтобы «опускаться» до пожалования высшего российского ордена президенту республики¹³. Но при этом царизм не мог не считаться с интересами промышленной буржуазии, требовавшей изменения политики по отношению к Германии, не мог не учитывать растущую угрозу со стороны Германии и Австро-Венгрии, не мог не видеть антирусского направления политики Бисмарка, а затем Вильгельма II и Каприви.

¹¹ В. Н. Л а м з д о р ф. Дневник, т. II. М., 1934, стр. 39.

¹² Там же, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 49. Однако он должен был все-таки дать Карно орден Андрея Первозванного.

Для правящих кругов и господствующих классов России было также очевидным — это не требовало особой прозорливости, — что в лице Франции создается противовес австро-германской коалиции, направленной своим острием против России и Франции, что поэтому необходимо пойти на укрепление связей с Францией.

Существенные изменения, происшедшие в международном положении в 1890—1891 гг., заставили царское правительство ускорить сближение с Францией.

В начале июля 1890 г. в Петербурге узнали, что германское правительство отказалось от возобновления «договора о перестраховке»¹⁴. Сам «договор о перестраховке», как известно, не обеспечивал дружественных отношений между Россией и Германией. Но тем не менее этот договор оставался еще тем непрочным, хрупким, но все же мостком, соединившим Берлин и Петербург, который мог еще как-то служить дальнейшему сотрудничеству двух монархий.

Ухудшение русско-германских экономических отношений с каждым месяцем принимало все более острые формы. В начале 90-х годов германская экономическая политика была явно невыгодна российской буржуазии. Промышленность России страдала от германской промышленной конкуренции, проникновения германских товаров на российские рынки. Экономическая политика Германии серьезно ущемляла также интересы российских экспортеров сельскохозяйственной продукции. На протяжении короткого времени Германия трижды (в 1879, 1885 и 1887 гг.) повышала пошлины на русский хлеб. Германский статс-секретарь по иностранным делам Маршалль фон Биберштейн позднее, в 1894 г., признавался, что введение пошлин на хлеб в 1887 г. обуславливалось не столько потребностями германского сельского хозяйства, сколько необходимостью возмездия России за повышение ею пошлин на уголь и железо¹⁵.

Царское правительство, все более считавшееся с требованиями промышленников, страдавших от конкуренции иностранных промышленных товаров, также встало на путь повышения пошлин¹⁶. Переговоры о заключении нового торгового договора, которые в декабре 1890 г. и в апреле 1891 г. вел Шувалов с Маршалем в Берлине, потерпели неудачу.

Непримиримость Германии, отвергавшей российские предложения о торговом соглашении и демонстративно заключавшей крупные торговые сделки с Австро-Венгрией, убеждала даже сторонников примирения с Германией в невозможности достижения с ней соглашения, хоть сколько-нибудь приемлемого для царизма.

Внешнеполитические соображения и экономические интересы тесно переплетались между собой и толкали правящие круги России к поискам ответа на новую политическую ситуацию. В России не могли оставаться равнодушными и к тем шовинистическим, полным зоологической ненависти к славянству, идеям, которые появились в публицистике германских юнкерских и милитаристских кругов.

В то время как в Петербурге проявляли готовность прислушаться к французским пожеланиям, во Франции неожиданно произошли события, снова поставившие под угрозу сохранение европейского мира. 18 февраля 1891 г. стало известно, что во французскую столицу прибыла мать Вильгельма II, вдовствующая императрица Фредерика. Она прибыла инкогнито, под именем графини Линген. Инициатива исходила, по-видимому, от Вильгельма II, об этом косвенно свидетельствуют источники. Во всяком случае, после франко-прусской войны впервые член царствующего дома Германии оказался во французской столице, к тому же не согласовав визит с французским правительством¹⁷.

На третий день после прибытия Фредерики в Париж начались антинемецкие демонстрации, по преимуществу буланжистов и членов «лиги патриотов», носившие, впрочем, мирный характер. Однако сама знатная гостья обнаружила мало такта. Она посетила Версальский дворец и залу, в которой 17 января 1871 г. Вильгельм I был провозглашен германским императором. Это подчеркнутое посещение мест герман-

¹⁴ В. Н. Л а м з д о р ф. Дневник, т. I. М., 1926, стр. 284—328.

¹⁵ М. Н. С о б о л е в. История русско-германского торгового договора. Пгр., 1915, стр. 125.

¹⁶ М. Н. С о б о л е в. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1891, д. № 74, л. 112—114. Моренгейм— Гирсу, 14 (26) февраля 1891 г.

ского триумфа задевало французское национальное чувство. Демонстрации против императрицы приняли значительно более широкий характер.

В момент, когда начались антинемецкие демонстрации, появилась статья в «*Kölnische Zeitung*», прямо угрожавшая Франции. Германская газета писала: «Мы не можем допустить, чтобы французы оскорбляли августейшего монарха Германской империи и его благородную мать... Немецкий народ вправе требовать, чтобы французское правительство и народ дали бы ему достаточное удовлетворение». 26 февраля все германские газеты в угрожающем тоне поместили статьи о франко-германском кризисе.

Одновременно поступили сведения о том, что Вильгельм II имел свидание с фельдмаршалом Вальдерзее, обсуждая с ним вопрос о мобилизации армии... Английский журналист В. Стэд писал в эти дни: «В течение 24 часов... нам приходилось считать с фактом, что одного взрыва страстей парижской черни достаточно было, чтобы привести к европейской войне»¹⁸.

27 февраля Маршал фон Биберштейн пригласил к себе французского посла Эрбетта и говорил с ним в резком тоне. Он уведомил о репрессивных мерах, которые германское правительство намерено принять в Эльзас-Лотарингии, а затем перешел к обвинениям¹⁹. Эрбетт, как всегда в таких случаях, растерялся.

В этот тревожный момент снова, как в 1887 г., чрезвычайное значение приобрела позиция России. 19 февраля (по ст. стилю) в письме Моренгейму, за подписью Гирса, царское правительство дало оценку инцидента в связи с визитом императрицы Фредерики. В этом письме говорилось: «Ни одна из предполагаемых причин появления ее величества во Франции не может оправдать эту попытку — более смелую, чем разумную». Далее российское правительство подчеркивало корректность действий французского правительства. В письме Гирса выдвигалось принципиально важное положение: «Сердечное согласие, которое столь счастливо водворилось между Россией и Францией, представляет в наши дни условие, необходимое не только ввиду взаимных интересов, но также и для создания определенного противовеса влиянию лиги центральных держав, обеспечивая самое благоприятное равновесие сил»²⁰.

В важный момент франко-германского конфликта февраля 1891 г. российское правительство полностью поддержало Францию и дало ясно понять, что в этих трудных условиях Россия не склонна отказаться от политики сердечного согласия с Францией. Рибо немедленно ответил Лабуле телеграммой, в которой он указывал, что французское правительство полностью оценило значение выступления царской дипломатии²¹.

Поддержка, оказанная Россией Франции в тревожные дни февраля 1891 г., еще раз показала, какое крупное значение для судеб Франции имела позиция России. В марте президент французской республики Карно был награжден высшим русским орденом Андрея Первозванного. Вслед за этим орденом Александра Невского был дан военному министру Фрейсине и министру иностранных дел Рибо. Влияние того и другого на общее направление правительственной политики, и в особенности на развитие франко-русского сотрудничества, было велико. Фрейсине, в четвертый раз возглавивший кабинет министров и взявший на себя руководство военным министерством, приобретал все больший авторитет в стране и за ее пределами. Моренгейм писал о нем почти восторженно: «Он поставил себя так, что сразу же был принят всей армией, и самые авторитетные генералы громогласно объявили его лучшим военным министром, которого Франция когда-либо имела»²².

Связи между двумя странами укреплялись. Французское правительство внесло предложение о переговорах по торговым вопросам и одновременно начало готовить переговоры внешнеполитические. Был положительно решен вопрос о визите французской эскадры в Россию; он был назначен на июль 1891 г.

¹⁸ «Русское обозрение», 1891, т. III. «Письма из Лондона», стр. 355.

¹⁹ DDF, t. VIII, № 285, 27 февраля 1891 г.

²⁰ В. Н. Ламздорф. Указ. соч., т. II, стр. 64—66.

²¹ DDF, t. VIII, № 304. Рибо — Лабуле, 10 марта 1891 г.

²² АВПР, ф. Канцелярия, д. № 74, л. 142. Моренгейм — Гирсу, 19 (31) декабря 1890 г.

25 июля 1891 г. к рейду Кронштадта подошла расцвеченная яркими флагами и выпелами французская эскадра под командованием адмирала Жерве. 20 лет спустя после злосчастного и унижительного Франкфуртского мира представители французской республики были встречены как почетные гости в столице Российской империи.

Французских моряков встречала вся официальная сановная Россия во главе с царем Александром III²³. Кульминацией кронштадтских торжеств был обмен телеграммами между Александром III и президентом Карно и речи, произнесенные на банкете в честь гостей.

Наибольшее впечатление на современников произвело, может быть, обстоятельство вполне частного порядка: император Александр III с обнаженной головой прослушал исполнение французского национального гимна Марсельезы. Всем было известно, что Марсельеза преследовалась в царской России как «крамольная песня»; гласное исполнение гимна Французской революции для подданных Российской империи влекло за собой весьма неприятные последствия — допрос, следствие, ссылку. Здесь же монарх и вслед за ним все высшие чины должны были официально признать французский гимн, воздав ему должное торжественным снятием головных уборов.

Во Франции кронштадтские торжества произвели еще большее впечатление, чем в России. Французы, «средние люди» воспринимали вести из России восторженно, с энтузиазмом. 1891 г. казался им переломным годом в судьбе их страны. «Кронштадтский год» — так называл его Анатолий Леруа-Болье, подчеркивая все значение франко-русской демонстрации. Кронштадтский визит показал, что Франция и Россия встали на путь взаимного сотрудничества и теперь не только не скрывают, но даже подчеркивают свою дружбу перед всем миром.

Тем временем за кулисами, в тиши дипломатических кабинетов велись интенсивные переговоры. 4(16) июля Антуан де Лабуле, французский посол, приехал из Парижа в Петербург и сразу же выехал в Финляндию, к отдыхавшему на своей вилле Гирсу. Лабуле действовал в соответствии с инструкциями своего правительства. Ему поручалось в переговорах с Гирсом выяснить, «не представляется ли возможным перед лицом демонстративного возобновления Тройственного союза сделать еще один шаг вперед, чтобы уточнить и подчеркнуть сближение между Россией и Францией»²⁴. По компетентному свидетельству Ламздорфа «г. Гирс не имел ни малейшего намерения проявить какую-либо инициативу»; тем не менее, он принял к сведению заявление посла и, отдавая ему визит, продолжил беседу. В ходе беседы Лабуле «сформулировал два пункта, которые, по его мнению, могли бы служить выражением принципов соглашения (entente) между Россией и Францией». Министр иностранных дел Франции Рибо, информированный послом, тут же в телеграмме от 9(21) июля от имени правительства поручал Лабуле, при благоприятной позиции Гирса, не уклоняться и от непосредственных переговоров по затронутому вопросу. Гирс в этих условиях счел необходимым 23 июля²⁵ доложить императору о французских предложениях.

Так представляется начало непосредственных переговоров между двумя правительствами по материалам секретного архива министерства иностранных дел. Гирс, поставленный в необходимость, вопреки личным пристрастиям, представить царю доклад, тщательно к нему подготовился. Не решаясь оспаривать предложения французского правительства и его оба главных пункта (установление сердечного согласия между обоими державами, со всеми практическими следствиями, и соглашение о мерах, которые надо совместно принять, в случае если мир будет нарушен одной из держав Тройственного союза), он выдвинул свой контрпроект редакционных исправлений²⁶.

²³ ЦГИА, ф. № 677, д. 127, л. 7 (об.). В памятной книжке Александра III за 1891 г. содержатся, как обычно, регистрирующие лишь внешнюю сторону записи: «Июль 13. В 9 ч. утра отправились на «Царевне» в Кронштадт под моим и греческим штандартом.... Прошли всю линию французов и нашу. Были на двух фр. «Matengo» и «Matseau». Завтрак на 100 человек на «Державе». В 3½ вернулись на «Царевну»».

²⁴ АВПР. ф. Секретный архив, 1891, д. № 373, л. 3. Запись Ламздорфа.

²⁵ Там же, л. 4.

²⁶ Там же, л. 5—8. Проект Лабуле и добавления, записи Ламздорфа 22 июля 1891 г.

Александр III, по докладу Гирса 23 июля, одобрил и идею соглашения с Францией, и в целом оба конкретных пункта. Со своей стороны он пожелал, чтобы во втором пункте было более точно определено, что именно надо считать актом агрессии против одной из двух договаривающихся держав. От принципиального признания идеи «сердечного согласия» (*entente cordiale*) — так первоначально обеими сторонами обозначалось взаимное соглашение) в секретных переговорах перешли к следующему этапу — выработке конкретного соглашения между Россией и Францией²⁷.

Переговоры в Петербурге были в известной мере облегчены тем, что, примерно, за 3—4 недели до этого, в июле, генерал Обручев имел ряд важных бесед в Париже с генералом Буадефром. В ходе этих бесед уточнялись исходные позиции сторон; были рассмотрены и большие вопросы о главных внешнеполитических задачах, и чисто оперативные, вызвавшие снова, как в Нарве, разногласия по вопросу о направлении первого удара: Буадефр настаивал на том, что он должен быть нанесен против Германии, Обручев считал целесообразнее вывести сначала из строя Австрию²⁸.

Главное значение парижских бесед Буадефра и Обручева заключалось в том, что они показали взаимную заинтересованность сторон в объединении их сил для отпора возможной агрессии со стороны Тройственного союза и что для этого уже созрели все предпосылки. Вместе с тем они отчетливо выявили различия в планах соглашения между двумя сторонами. Французская программа хотела бы свести соглашение к военной конвенции, предусматривающей совместные и согласованные военные действия против одной Германии или главным образом против Германии. Концепция, отстаиваемая Обручевым, исходила из необходимости более широкого и общего политического соглашения, в котором предусматривались бы согласованные действия обоих государств в разных частях света и во всех случаях, затрагивавших интересы одного из государств, причем вопрос об Австрии имел не меньшее значение, чем германский.

Расхождения эти не были различием в личных мнениях Буадефра и Обручева. Два или три дня спустя, в беседе Лабуле с Гирсом в Финляндии, они снова всплыли наружу. Когда Лабуле заговорил о военной конвенции, Гирс ему тотчас же ответил: «А почему не соглашение между двумя правительствами?»²⁹

Французское правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы довести переговоры до заключительной стадии — до юридически оформленного секретного соглашения двух держав. Под влиянием, видимо, полученной информации о беседах с Обручевым и Гирсом, французское правительство изменило свой первоначальный план и пыталось найти форму, компромиссно сочетающую обе программы.

Накануне прибытия в Кронштадт французской эскадры Лабуле получил 23 июля директиву от Рибо, в которой уже учитывались российские предложения об изменении текста и программа соглашения, которую предполагалось подписать в Петербурге в дни кронштадтских торжеств. В своем проекте Рибо пытался объединить российскую программу с французской. В предложениях Рибо (согласованных с Фрейсине) указывалось, во-первых, что «оба правительства будут обсуждать друг с другом каждый вопрос, могущий угрожать сохранению мира» и, во-вторых, «если мир окажется действительно под угрозой со стороны одной из держав Тройственного союза, Франция и Россия без всякого промедления примут меры, необходимые для предотвращения любой неожиданности. Иначе говоря, Франция и Россия вступают в соглашение относительно одновременной мобилизации своих сил тотчас же, как только одна из стран, входящих в Тройственный союз, мобилизует свои силы». Далее предусматривалось, что это соглашение должно быть уточнено генеральными штабами обоих государств³⁰.

Лабуле представил проект Рибо на утверждение российского правительства, но Гирс и Ламздорф выдвинули ряд возражений против него. Прежде всего Гирс хотел ослабить его обязательную силу. Там, где говорилось, что оба государства улаживаются «без всякого промедления принимать необходимые меры», Гирс предложил иную

²⁷ Там же. Запись решения царя.

²⁸ Там же. Донесение Моренгейма 27 августа 1891 г. о беседе с Фрейсине.

²⁹ DDF, t. VIII, № 430. Лабуле — Рибо, 20 июля 1891 г.; В. Н. Л а м з д о р ф. Указ. соч., т. II, стр. 151.

³⁰ DDF, t. VIII, № 434, 438, 439.

редакцию: «обсуждают, если найдут это нужным, меры» и т. д. Эта поправка была отнюдь не стилистической. Исправление Гирса лишило бы соглашение обязательной силы. Если бы сохранилась редакция Гирса, то потребовалось бы предварительное выяснение, в каких случаях это нужно и в каких не нужно. Действительная сила соглашения была бы совершенно уничтожена. Французская сторона решительно возражала против этих исправлений и под ее нажимом Гирс должен был от своего предложения отказаться. Была принята новая редакция, предложенная Рибо: «Обе стороны улаживают договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых» и т. д.³¹

Но зато российская делегация настояла на другом пункте, весьма существенном. Там, где во французском тексте говорилось об угрозе со стороны одной из держав Тройственного союза, Россия потребовала добавления — указания на Великобританию, как возможную участницу Тройственного союза. Во французском проекте говорилось: «Если мир действительно окажется под угрозой со стороны одной из держав Тройственного союза». Русский проект звучал иначе: «В случае, если бы мир оказался действительно в опасности».

Такая редакция была значительно шире. Эти два как будто близких друг другу дипломатических выражения на самом деле скрывали за собой различные концепции. Редакция, предложенная российской делегацией, говорила об опасности, угрожающей миру, не связывая ее только с угрозой, исходившей от Тройственного союза. Следовательно, сюда включалось также и понятие угрозы со стороны Великобритании. Российский проект расширял и рамки действия этого соглашения. Тройственный союз в ту пору ограничивал, в основном, свою агрессию сферой европейского континента. Российская редакция, исключая из данного контекста упоминание о державах Тройственного союза и говоря об анонимных агрессорах, показывала, что речь может идти и о столкновении за пределами европейского континента — везде, где может быть нарушен мир.

Наконец, в ходе переговоров российская сторона отклонила французские предложения о мобилизации. В Петербурге считали подобного рода обязательство преждевременным и чрезмерным для первого этапа сближения. Вопрос о мобилизации был слишком ответственным и сложен, чтобы решать его как бы мимоходом, походя. Вся совокупность вопросов, связанных с взаимными военными обязательствами, должна была быть рассмотрена отдельно и специально; становилось очевидным (Обручев это понял едва ли не первым), что целесообразнее расчленять вопросы политические и военные: сначала надо было выработать общее политическое соглашение, а уж затем перейти к выработке военной конвенции. Французская сторона не могла не признать обоснованности этих соображений.

Переговоры велись на протяжении июля и августа 1891 г. Французская делегация по необходимости должна была принять поправки, которые вносила российская сторона. Согласованный проект в существенных пунктах отвечал той концепции, которая была сформулирована Обручевым во время его переговоров в июле с Буадефом. Но редакция соглашения в целом и отдельных формулировках взаимными усилиями была усовершенствована.

28 июля, несмотря на воскресный день, царь принял Гирса, доложившего о ходе переговоров, и одобрил в целом как выработанное соглашение по существу, включая два главных пункта, так и подготовленные проекты писем. Он высказал лишь пожелания, чтобы в процедуре оформления соглашения принял участие Моренгейм. Царский посол в Париже был немедленно вызван из отпуска в Петербург. 29 июля Александр III принял Лабуле и заявил ему лично о своем «одобрении в принципе основ соглашения между двумя странами, выработанного в ходе переговоров»³². Тем самым вопрос о франко-русском соглашении был предпринят. Гирс был в такой мере службистом, беспрекословно послушным воле монарха, что счел необходимым отказаться от всякого сопротивления политике, получившей одобрение императора.

³¹ АВПР, ф. Секретный архив, 1891, д. № 373, л. 11, 12 (проекты писем); ср. В. Н. Л а м з д о р ф. Указ. соч., т. II, стр. 157 и сл.

³² АВПР, ф. Секретный архив, 1891, д. № 373, л. 14—17. Записи министерства.

8 августа на проекте писем, оформляющих соглашение, составленных Гирсом и Моренгеймом³³, Александр III своим размашистым почерком начертил резолюцию на русском языке: «Очень хорошо»³⁴.

После того, как был установлен окончательный текст соглашения, он был облечен в форму обмена письмами между российским министром иностранных дел Гирсом и французским министром иностранных дел Рибо (27 августа 1891 г.); отсюда в дипломатической истории название — «соглашение Гирс Рибо».

* * *

Здесь не представляется возможным, исходя из размеров журнального очерка, останавливаться на тех спорах, которые в свое время возбуждал в исторической литературе вопрос о генезисе франко-русского союза. Сопоставляя основные работы, посвященные главным образом этому вопросу, — Жюрга Мишона, Отто Беккера, Курта Керлина, В. Л. Лангера, Б. Нольде, П. Альбена, советских авторов — А. М. Зайончковского, В. М. Хвостова и других — легко заметить, сколь значительными были расхождения во взглядах историков, исследовавших эти проблемы. В ту пору, когда возникла научная дискуссия по данным вопросам, сама проблематика имела немалую политическую остроту. В 20-летие между двумя мировыми войнами споры о происхождении русско-французского союза прямо или косвенно перекликались с более крупным вопросом — как возникла первая мировая война? Кто ответствен за ее возникновение? Кто ее виновник? Отсюда запальчивость и ожесточенность споров, даже в тех случаях, когда они были облечены во внешне спокойные академические покровы.

После второй мировой войны острота этих споров ушла в далекое прошлое; их заслонили более острые проблемы. Может быть, сегодня и нет больше необходимости рассматривать подробно научные дискуссии прошлого. Но все же, в интересах научной точности, на одном из спорных вопросов прошлого, хотя бы совсем кратко, должно остановиться.

В свое время Жюрг Мишон, во многом дезориентировавший историческую мысль своей несостоятельной версией о происхождении русско-французского союза из восточного вопроса, усугубил свои ошибки, объясняя соглашение 27 августа 1891 г. тем, что «Россия в это время была, главным образом, единственно озабочена Англией и именно против нее искала поддержки у Франции»³⁵. Но этот тезис, варьируемый и некоторыми другими историками, вызывает решительные возражения, прежде всего потому, что он находится в противоречии со всеми известными фактами истории международных отношений и соответствующими дипломатическими документами.

Франко-русский союз был в сущности предрешен образованием коалиции Центральных держав, возглавляемой милитаристской, агрессивной Германией. Угрожая одновременно и Франции, и России, которым она хотела бы нанести удары поочередно, в разное время, германская коалиция, несмотря на все ухищрения и маневрирование бисмарковской дипломатии, подталкивала Францию и Россию навстречу друг другу. При действительном соотношении сил в 80-х — 90-х годах прошлого века военный союз с могущественной Российской империей был более нужен Франции, чем России; опыт 1873, 1874, 1875, 1877, 1887, 1891 гг. неопровержимо доказывал, что Германия угрожает прежде всего Франции. Именно эти политические мотивы, вернее сказать, стратегические расчеты, лежали в то время в основе сближения двух стран. Экономические интересы имели тогда еще подчиненное значение, которое вряд ли было бы правильным переоценивать.

Сохранившиеся от тех лет, от времени подготовки и оформления русско-французского союза, документы свидетельствуют, что участники предварительных и завершающих переговоров полностью отдавали себе отчет в том, что заключаемое соглашение двух держав является ответной акцией, противодействием опасности, исходящей от Тройственного союза, возглавляемого Германией. Даже такой заведомый гер-

³³ Моренгейм 5 (17) августа по вызову приехал в Петербург.

³⁴ АВПР, ф. Секретный архив, 1891, д. № 373. Докладная записка Гирса императору.

³⁵ G. M i c h o n. L'Alliance franco-russe 1891 — 1917. Paris, 1927, p. 21.

манофил, как Гирс, пытавшийся в пределах, допускаемых осторожностью, тормозить, сколько можно русско-французское сближение, и тот должен был в почтительном докладе императору признать, что сближение России с Францией, выступает «как могущественный противовес Тройственному союзу, постоянно увеличивающему свои военные силы несмотря на присваиваемое себе прозвище «лиги мира»»³⁶. В этом, несомненно, заключалась сущность соглашения. Франко-русское соглашение возникло, в первую очередь, как ответ на образование возглавлявшейся Германией коалиции, начало которой было положено договором 1879 г.

Поскольку в тот период допускалось сближение Англии с Тройственным союзом, постольку здесь предусматривалась и борьба против Англии. Но в главном и основном франко-русский союз складывался как противовес австро-германской коалиции, направленной против Франции и против России.

Изменившееся соотношение сил, новая ситуация, в которой оказалась Франция, были быстро осознаны и поняты французскими государственными руководителями. Секретность соглашения обязывала их к крайней сдержанности. Не имея возможности сказать большего, они определили их формулой: «новое положение». Фрейсине в речи 10 сентября 1891 г., во время французских военных маневров, сказал: «Никто не сомневается сегодня, что мы стали сильными. Мы докажем, что мы будем и благоразумными. Мы сумеем в новом положении сохранить спокойствие и достоинство, которые в дурные дни подготовили наш подъем»³⁷.

Через несколько дней выступил Рибо. 29 сентября в речи в Бомоне он повторил ту же формулу о «новом положении». Рибо не без чувства авторской гордости говорил о том, что кронштадтские торжества не могут быть целиком поставлены в заслугу нынешним французским правителям. Это заслуга также всех предшествующих французских политических руководителей, ибо на протяжении 20 лет они стремились к своей цели. «Если мы что-либо сделали, то мы только сумели своевременно подытожить эту давнюю традицию французского народа»³⁸. Так откликались французские политические руководители на это событие.

Много позже, примерно 20 лет спустя, когда страсти остыли и когда холодный расчет проверил «выгоды брака», как позднее называли иногда французы это соглашение, Пьер Альбен писал: «В то время, как Рибо и Моренгейм без шума, скромно обменивались подписями, связывающими Францию и Россию, можно сказать без преувеличения, что самый крупный дипломатический акт в Европе со времени 1815 г. был завершен»³⁹.

Можно спорить или соглашаться с мнением о равном значении Венского конгресса и соглашения 1891 г. и уместности самого этого сопоставления, но несомненно, что Альбен, ставя соглашение 1891 г. в ряд с Венским конгрессом 1815 г., тем самым хотел подчеркнуть его огромное значение не только для судеб Франции, но и для судеб Европы.

* * *

Не имея возможности здесь исследовать процесс окончательного оформления русско-французского союза (1892—1893 гг.) во всех его аспектах и деталях, автор считает нужным хотя бы вкратце остановиться на выработке и принятии военной конвенции, логически завершившей соглашение 1891 г.

При всем огромном значении, которое имело для Франции августовское соглашение 1891 г., оно казалось французским государственными руководителям с самого начала недостаточным. Из секретной переписки Фрейсине, Рибо и Карно⁴⁰ явствует, что та редакция текста соглашения, на которую французская сторона под давлением

³⁶ АВПР, ф. Секретный архив, 1891, д. № 373, л. 32 (27). Гирс — Александру III, 22 августа 1891 г. (на русском яз.).

³⁷ P. A l b i n. L'Allemagne et la France en Europe 1885—1894. Paris, 1913, p. 321.

³⁸ Ibid., p. 330.]

³⁹ Ibid., p. 324.

⁴⁰ DDF, t. VIII, № 460. Рибо — Фрейсине, 6 августа 1891 г.; № 467. Рибо — Фрейсине; № 468. Рибо — Карно, 7 августа 1891 г.; № 470. Карно — Рибо, 8 августа 1891 г.; № 480. Фрейсине — Рибо, 9 августа 1891 г.; № 485. Рибо — Фрейсине; № 486. Рибо — Карно, 11 августа 1891 г. Вся переписка посвящена переговорам с Россией.

российской стороны должна была согласиться, вызывала у французских государственных руководителей серьезные возражения. Фрейсине опасался, как бы Россия, опираясь на соглашение 1891 г., не вовлекла Францию во враждебную Англии политику. Но главное, что беспокоило французских государственных руководителей и чему они придавали наибольшее значение, — это отсутствие обязательств об одновременной мобилизации, о согласованных военных действиях, короче говоря, военного соглашения между двумя державами.

Французы полагали необходимым начать с военного соглашения и считали его наиболее существенным. И во время нарвских переговоров 1890 г., и на переговорах Буадефра с Обручевым в июле 1891 г., и позже французская сторона неизменно настаивала на выработке первоначально военного соглашения или, когда ей пришлось в августе 1891 г. уступить требованиям России, на включение пункта об одновременной мобилизации в текст политического соглашения. Фрейсине считал, что при «неопределенных выражениях» принятой редакции и при стремлении России сосредоточить свои главные силы против Австрии может создаться положение, когда Франция подвергнется двойственной атаке со стороны Германии и Италии, «почти так же, как если бы мы были полностью изолированы в Европе»⁴¹. Он находил, что без военной конвенции политическое соглашение в значительной мере теряет свою действенность. Рибо был вполне с ним согласен. В этом была, конечно, своя логика. Кстати сказать, и Александр III с его практическим складом ума понимал необходимость военного соглашения. Но он не спешил. Франция была больше России заинтересована в соглашении. Когда французские предложения (в июле — августе 1891 г.) встретили возражения царского правительства и были им отклонены, французская сторона, отказавшись от спора, приняла всю российскую программу соглашения. В любой редакции и форме это соглашение самим фактом существования означало крупнейший политический успех III Республики. Для Фрейсине и для Карно это было так же ясно, как и для Рибо.

В начале декабря 1891 г. Монтебелло (сменивший в сентябре Лабуле) после аудиенции у царя и беседы с Гирсом сообщил в Париж, что Александр III в принципе одобрил идею военной конвенции, хотя и не проявил торопливости. Царь высказал пожелание, чтобы в Россию был направлен один из высших офицеров — Мирибель или Буадефр, с которым можно было бы обсудить все специальные вопросы. В Париже взялись за работу. К 4 февраля Мирибелем, Сосье и Фрейсине был составлен проект военной конвенции и послан на рассмотрение в Петербург. Однако Монтебелло, лучше ориентированный в российских делах, чем его патрон, счел необходимым внести в текст некоторые исправления и проект вернул вновь в Париж. С новыми поправками, внесенными в редакцию текста Фрейсине, проект был представлен на рассмотрение царя 12 марта 1892 г.⁴²

Этот проект получил принципиально одобрение царя. Он к тому времени уже окончательно пришел к мнению о неизбежности столкновения с Германией. «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом обратиться на нас. Надо исправить ошибки прошедшего и разгромить Германию при первой возможности», — заявил Александр III, ознакомившись с проектом соглашения⁴³. Это было уже вполне определившееся мнение. Военный министр Ванновский и начальник генштаба Обручев разделяли полностью это мнение царя.

Но Гирс и Ламздорф продолжали оказывать сопротивление дальнейшему сближению с Францией. «Необходимо выправить насколько возможно наши отношения с Германией», — записывал Ламздорф в начале февраля (по новому стилю) 1892 г.⁴⁴ Соглашение 27 августа 1891 г. с Францией хранилось в столь глубоком секрете, что даже военный министр Ванновский не имел о нем точных сведений. Гирс ознакомил военного министра с секретными документами (доложив об этом царю), но при этом пытался его настроить против расширения сотрудничества с Францией и, в частности, против

⁴¹ АВПР, ф. Секретный архив, 1891, 1892, д. № 373, л. (62, 63), 53, 53 об. Выписка из писем барона Моренгейма из Парижа.

⁴² АВПР, ф. Секретный архив, 1892, д. № 373, л. 36—46; DDF, t. IX, № 182, 195, 248, 223; F. Freycinet. Souvenirs 1878—1913, t. II. Paris, 1913, p. 500.

⁴³ В. Н. Ламздорф. Указ. соч., т. II, стр. 299, 25 февраля 1892 г.

⁴⁴ Там же, стр. 262.

военной конвенции. «Прочитав со вниманием... секретную записку по проекту военного соглашения с Францией,— писал Гирс Ванновскому,— я прихожу к убеждению, что предлагаемые меры поставили бы нас в весьма невыгодное положение, связав вместе с тем свободу решений государя императора в серьезном вопросе о войне»⁴⁵.

Рибо торопил Монтебелло. С большой настойчивостью, даже нетерпеливостью он побуждал его во что бы то ни стало вырвать у России согласие на военную конвенцию⁴⁶. Рене Жиро тщательно исследовал затруднения и неурядицы экономического порядка (неудача французских финансистов в связи с проектами строительства Транссибирской магистрали и пр.), приходящиеся на это время⁴⁷. Его исследования полезны, но влияние факторов этого рода на политику было тогда крайне невелико. Стратегические или политические мотивы в ту пору безусловно доминировали.

Французский проект был передан царем на изучение генералу Обручеву. Николай Николаевич Обручев был одним из самых передовых и мыслящих высших офицеров своего времени. В 26 лет, вскоре по окончании Академии генштаба, он стал ее профессором и начальником кафедры военной статистики. Он занимался также историей военной мысли в России. В молодые годы Обручев был близок с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, привлек первого к основанному Д. А. Милютиним «Военному сборнику», одному из прогрессивных русских журналов. Обручев был женат на французке и выезжал часто с женой во Францию или в служебные заграничные командировки, встречался там с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Он участвовал в ряде нелегальных изданий и, продолжая занимать высокие посты в армии, был связан с участниками революционно-демократического движения конца 1850-х — начала 60-х годов. В 1863 г. он отказался от участия в подавлении польского восстания. Еще с 50-х годов Обручев обратил на себя внимание Д. А. Милютина и стал вскоре его ближайшим помощником и в значительной мере и сподвижником; оба они в военных спорах отстаивали передовые для той эпохи взгляды. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в которой Обручев отличился на Кавказском фронте, он получил звание генерал-адъютанта, а позже генерала от инфантерии и с 1881 г. стал начальником Главного штаба.

От революционного движения Обручев постепенно отошел. Но продолжая играть важную роль в руководстве российской армией, Обручев по существу возглавлял передовую часть русского генералитета; как человек широко образованный и проявляющий постоянный интерес к вопросам международной политики он своевременно понял опасность, угрожавшую России со стороны возраставшей мощи Германии. Он представил докладную записку по этому вопросу, в которой был дан анализ французского проекта.

Обручев соглашался с французскими предложениями, что соглашению должна быть придана форма военной конвенции⁴⁸ и с принципом одновременности мобилизации армий. Но он возражал против главной идеи французского проекта: стремления ограничить конвенцию задачами войны против одной Германии. «Французы желали бы, буде возможно, заключить с нами конвенцию исключительно на случай войны с Германией». Но это условие «значительно более выгодно для Франции, чем для нас»⁴⁹. Он критиковал также предложения французского проекта разделить русские войска на такое-то и такое-то количество против Германии и против Австрии. Обручев писал: «Мы должны сохранить за собой полную свободу распределять так свои войска, чтобы нанести удар армиям Тройственного союза. Может быть, для достижения сей цели нам, прежде всего, придется направить главные силы против Германии как опаснейшего и сильнейшего противника; но, может быть, представится еще более выгодным

⁴⁵ АВПР, ф. Секретный архив, 1892, д. № 373, л. 41—42. Гирс — Ванновскому, 13 мая 1892 г.

⁴⁶ Archives du Ministère des Affaires étrangères. Correspondances Politiques. Russie, t. 291, 292, 293.

⁴⁷ R. Girault. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887—1914. Paris, 1973, p. 211—235.

⁴⁸ Форма военной конвенции, вместо союзного договора, давала французам то преимущество, что она освобождала правительство от обязанности получить санкцию палат; было достаточно утверждения ее президентом. Поэтому для царского правительства такая форма была более удобной.

⁴⁹ В. Н. Ламздорф. Указ. соч., т. II, стр. 339.

сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы легче справиться с Германией». Обручев исходил из реальных расчетов: он требовал сохранения «безусловной свободы действий» в ведении войны вдоль всей западной границы.

Записка Обручева была составлена, видимо, в мае. Александр III передал ее тогда же на согласование Гирсу. Гирс не согласился с доводами Обручева в основном — он хотел вообще избежать военного соглашения с Францией. «Я не скрыл от военного министра, — писал в докладной записке царю Гирс, — что я полагал бы преждевременным и даже опасным принимать обязательства, отчуждающие свободу решения вашего величества в вопросе о войне»⁵⁰.

Французский проект и возражения Обручева против некоторых его пунктов легли в основу переговоров, начавшихся летом 1892 г. в Петербурге. Представитель Франции получил директиву от своего руководства идти на уступки и принять русскую редакцию, так как во Франции больше всего боялись дальнейшего затягивания соглашения⁵¹. Для таких опасений были основания. Гирс продолжал упорно противиться заключению военной конвенции⁵². В результате была принята русская редакция, которая существенно изменила первоначальные французские предложения.

Вместо французской редакции, исходившей из концепции войны против одной Германии, главные пункты согласованного текста военной конвенции были отредактированы так: «Ст. 1. Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, то Россия нападает на Германию находящимися в ее распоряжении силами.

Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, то Франция выступит всеми находящимися в ее распоряжении силами для войны с Германией».

Отличие этой редакции от первоначального французского проекта совершенно ясно. Во французском проекте говорилось только о войне против Германии, а здесь ясно указывалось конкретное обязательство Франции и на случай войны России с Австрией.

«Ст. 2. В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из держав, входящей в его состав, Франция и Россия...» и т. д.⁵³ И в этой статье французская формулировка, предусматривавшая только Германию («или только Германией»), была заменена более широкой («одной из держав»), предусматривавшей и Австрию.

«Ст. 3. Наличные силы, которые должны были быть двинуты против Германии, будут равны со стороны Франции 1300 тыс. человек, а со стороны России — 700—800 тыс. человек. Эти силы полностью и со всей поспешностью вступят в дело так, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на Востоке и на Западе». Эта последняя фраза статьи 3-й была весьма важной. Ведущей идеей германского генерального штаба — избежать одновременной войны на двух фронтах, вести войну поочередно то на одном, то на другом фронте, была противопоставлена задача — заставить Германию драться одновременно на западном и восточном фронтах. Во всем своем значении эта стратегическая идея сказалась в первой мировой войне.

В остальных пунктах редакция была также принята в соответствии с требованиями, вытекавшими из концепции российского Главного штаба⁵⁴. 17 августа 1892 г. конвенция была подписана Обручевым и Буадефром. Она означала тесный военный союз между Францией и Россией, была непосредственно связана с предыдущим соглашением (1891 г.) и являлась его дополнением⁵⁵.

Соглашения 27 августа 1891 г. и 17 августа 1892 г. юридически оформляли русско-французский военно-политический союз. При выработке военной конвенции опреде-

⁵⁰ АВПР, ф. Секретный архив, д. № 373, л. (64—67), 54, 55 об. Докладная записка Гирса — Александру III, 4 июня 1892 г. из Реттиярви (на русск. яз.).

⁵¹ См. DDF, t. IX, № 436, 440, 441, 444, 449, 458. Переписка между Рибо и Фрейсине, Рибо и Монтебелло, отчеты Буадефра и инструкции французского правительства по вопросам конвенции, 8—13 августа 1892 г.

⁵² АВПР, ф. 401, д. № 478, л. 3—7. Рукописный текст конвенции на русском и французском языках.

⁵³ Там же.

⁵⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. № 373, 1892, л. (71—74) 58—63. Доклады Гирса — Александру III, письмо — Обручеву, 4 августа 1892 г.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 401, д. № 478, л. 27. Текст конвенции.

лились известные различия в понимании задач и целей союза французской и российской сторонами. Конечно, обе стороны искали взаимоприемлемые решения. Все же в главных вопросах победила петербургская точка зрения. И порядок оформления союза — сначала политическое соглашение, а затем военное — и содержание соглашения были приняты в соответствии с мнением российской стороны. В самом процессе оформления русско-французского союза и в его содержании отчетливо проглядывала вынужденная уступчивость французской стороны. В то время союз с Россией был нужен Франции больше, чем России, он был для Франции необходимостью.

После того как конвенция была подписана и представители сторон разъехались, с французской стороны последовали возражения. Фрейсине предложил внести изменения в текст, подписанный Буадефром и Обручевым. Во-первых, Фрейсине предложил смягчить обязательства Франции в отношении Австрии, считая их для французской стороны чрезмерными; иными словами, он пытался добиться положения, чтобы Франция могла уклониться от обязательства поддерживать Россию в случае войны с Австрией. Во-вторых, Фрейсине хотел пересмотреть количество войск, выставленных Россией, в сторону их увеличения. И, в-третьих, он намеревался изменить пункт о секретности этого соглашения ⁵⁶.

Как это явствует из секретных материалов архива министерства иностранных дел России, французское правительство было столь озабочено успехом предпринятого демарша, что, не ограничиваясь официальными представлениями, прибегло и к необычным. В Дакс, где отдыхал Обручев, 18 (30) августа приехал Буадефр и передавая ему соответствующие бумаги, стал убеждать начальника российского генштаба их поддержать. «Я объявил, — писал Обручев Ванновскому, — что никакой миссии на продолжение переговоров не имею, почему и должен все сии бумаги направлять к Вашему превосходительству» ⁵⁷.

Обручев так и поступил. Признавая, что в проекте французских изменений есть и некоторые резоны, он считал их в целом более выгодными для Франции, и поэтому относился к ним скептически.

Очень скоро из донесений Монтебелло французское правительство должно было убедиться, что царские дипломаты и военные не только не согласны на те изменения, которые оно предлагает, но вообще не торопятся ратифицировать соглашение ⁵⁸. Тогда французское правительство поспешило взять назад свои предложения и заявило о готовности утвердить конвенцию на прежних условиях.

Однако теперь уже и это не помогло. Царское правительство продолжало воздерживаться от окончательного санкционирования конвенции. Что было причиной этого? Задержка утверждения царем конвенции объяснялась не только политикой тайного саботажа Гирса. Последний в меру возможностей действительно саботировал ее ратификацию. Он попросту положил подписанный 17 августа проект конвенции под сукно и, несмотря на многократные напоминания Рибо, Обручева, Ванновского, под разными предлогами пытался «заморозить» утверждение соглашений двух стран ⁵⁹. Но было и другое. Во Франции в то время разразился крупный политический кризис, вызванный панамскими разоблачениями. Именно к 1892 г. относится кульминация панамского дела. Здесь не место подробно останавливаться на этой «эпопее», которая по масштабам и размерам коррупции во многих отношениях была беспримерной.

Царское правительство проявило на протяжении всего этого года большую сдержанность, и лишь когда постепенно улеглись волнения, вызванные панамским разоблачением, когда стала более или менее стабильной обстановка, когда пришло

⁵⁶ АВПР, ф. 401, 1892, д. № 478, л. 13—16. Буадефр — Обручеву из Парижа, 26 августа 1892 г.; DDF, t. X, № 7. Фрейсине — Рибо, 26 августа 1892 г.; № 9. Рибо — Монтебелло, 9 августа 1892 г. (секретно); № 12. Рибо — Монтебелло, 1 сентября 1892 г.; № 16. Монтебелло — Рибо, 4 сентября 1892 г.

⁵⁷ АВПР, ф. 401, 1892, д. № 478, л. 17—17а. Обручев — Ванновскому, 18(30) августа 1892 г. из Дакса (на русск. яз.). В приложениях: предложения французского военного министра об изменениях текста (на франц. яз.).

⁵⁸ DDF, t. X, № 246. Монтебелло — Девелю, 20 мая 1893 г.

⁵⁹ АВПР, ф. Секретный архив, д. № 373. Выписка из частного и секретного письма Моренгейма — Шишкину, 26 августа (6 сентября) 1892 г.; докладная записка Гирса царю (л. 75—78), 64—65 об.; письмо Ванновского — Гирсу, 11 сентября 1893, л. 93—98.

к власти правое правительство Казимира Перье, в Петербурге проявили готовность пойти на обсуждение вопроса о ратификации конвенции. Быть может, ратификацию проекта военной конвенции Гирс сумел бы, ссылаясь на свое нездоровье, задержать еще на долгие месяцы, если бы не произошли важные изменения в соотношении сил на международной арене. 3 августа 1893 г., после предварительного обсуждения и одобрения рейхстагом, в Германии вступил в силу военный закон. По подсчетам французского генерального штаба, без промедления сообщенным российскому генеральному штабу, новый военный закон должен был привести через определенное время к увеличению германских вооруженных сил на 1500 тыс. пехоты и они должны были возрасти с 2800 тыс. до 4300 тыс. солдат⁶⁰.

Записка французского генерального штаба тщательно анализировала и все иные опасные последствия, которые повлечет за собой новый германский военный закон и заключала, что в настоящий момент «более чем когда-либо совместно выработанное в прошлом году русским и французским генеральными штабами соглашение является самым ценным залогом сохранения мира и обеспечения безопасности обеих стран». Против этих слов Александр III на полях написал по-русски: «Справедливо»⁶¹. Это значило, что военной конвенции 1892 г. будет дан ход.

Ванновский в письме к Гирсу подчеркивал: «Со своей стороны я вполне присоединяюсь к французскому взгляду на исключительно наступательную цель этого закона»; военный министр напоминал, что это новое военное законодательство является развитием «плана наступательной войны, составленного графом Мольтке еще в 1879 году».

Указывая на контрмеры, принятые в связи с новым германским военным законом российским военным министерством и генеральным штабом, в частности на образование двух армейских корпусов (XX и XXI) вблизи западной границы, на увеличение числа батарей, инженерных войск, на усиление состава русской армии и добавления по штатам мирного времени офицеров и нижних чинов, Ванновский предостерегал, что следует ожидать в скором времени со стороны Австро-Венгрии мер, аналогичных германскому закону 3 августа. Все это доказывало важность введения в действие русско-французской военной конвенции.

Гирс не мог уже сопротивляться. 6 декабря 1893 г. он должен был, хотя и с некоторыми оговорками, одобрить в главном проект конвенции⁶². 9 декабря Обручев при обсуждении с Гирсом снял последние спорные положения, и 14 декабря на докладе в Гатчине Александр III одобрил проект конвенции и проект письма к Монтебелло⁶³.

27 декабря 1893 г. — 4 января 1894 г. состоялся обмен письмами между Монтебелло и Гирсом, по которому военная конвенция вступила в силу и приобрела обязательный характер⁶⁴. Тем самым 4 января 1894 г. было окончательно завершено оформление русско-французского союза.

* * *

Законно возникает вопрос — имеют ли события, относящиеся к давно минувшей эпохе, почти столетней давности, какое-либо значение для нашего времени? Коренные, принципиальные различия советской ленинской внешней политики от политики старой царской России столь очевидны, что это не надо доказывать.

Независимо от конкретных целей, политических задач, стоявших перед далекими от нас государственными руководителями России и Франции конца XIX в., сам факт сотрудничества, а затем и союза двух государств имел объективно большое полити-

⁶⁰ АВПР, ф. Секретный архив, д. № 373, 1893, л. (113—118), 94—96 об. Секретная записка французского генерального штаба.

⁶¹ Там же, л. (118) 96 об.

⁶² Там же л. (119—123), 97—99. Весьма секретное письмо Ванновского — Гирсу, 17 сентября 1893 г. (на русск. яз.).

⁶³ АВПР, ф. 401, 1894, д. № 478, л. 7—8; АВПР, ф. Секретный архив, 1893, д. № 373.

⁶⁴ АВПР, ф. 401, 1894, д. № 478, л. 9. Проект письма Гирса — Монтебелло (весьма секретно); там же, л. 12. Письмо Монтебелло — Гирсу, 23 декабря (4 января) 1893(4) г. Рукописные тексты конвенции на русском и французском языках, «высочайше одобренные» в Гатчине 15 декабря 1893 г. (л. 3—8); DDF, t. III, № 488.

ческое значение. В сложившейся в последнюю треть XIX в. расстановке сил в после-
франкфуртской Европе, при гегемонистских тенденциях кайзеровской милитарист-
ской Германии, в особенности после создания возглавляемого Германией Тройствен-
ного союза, сближение Франции и России, а затем заключение двойственного союза
как противовеса коалиции «срединных монархий», диктовалось жизненной необходи-
мостью. Этот союз двух государств вел объективно к сближению народов России и
Франции, способствовал росту взаимного интереса, лучшей взаимной осведомленно-
сти, в конце концов росту взаимных симпатий и дружбы, связывающих народы обеих
стран.

Последующий ход исторического процесса, в особенности трудных лет второй ми-
ровой войны, когда французский и советский народы выступали как товарищи по ору-
жию в справедливой, освободительной войне против общего врага — немецко-фаши-
стских захватчиков, наконец, опыт последних лет советско-французского сотрудниче-
ства и согласия укрепляли давние, ставшие уже традиционными узы дружбы совет-
ского и французского народов.

Так живая диалектика исторического процесса показывает, что далекий ныне
русско-французский союз XIX в. в конечном счете готовил почву для иного, будуще-
го — уже в иной исторической эпохе и на ином, более высоком уровне сотрудничества
и согласия между СССР и Францией, являющегося крупнейшим фактом европейской
и мировой политики.